

И. В. Ткаченко

ОЛЬГА СЕДАКОВА В ВОРОНЕЖЕ

8 и 9 февраля в Воронеже состоялись два вечера, которые по своему значению смело можно причислить к уникальным событиям культурной и духовной жизни города. Оба они связаны с приездом Ольги Александровны Седаковой — выдающегося русского поэта, филолога, эссеиста, переводчика. Это второй приезд О. Седаковой в Воронеж, что, несомненно, является честью для нашего города, так как достаточно большую часть времени поэт живет и работает за рубежом.

Вплоть до 1991 года на родине не было опубликовано ни одно из литературных сочинений О. Седаковой. Первая ее книга стихов вышла в 1986 году в Париже в издательстве YMCA-PRESS. В настоящее время она является автором 28 книг, изданных на русском, английском, французском, датском, итальянском, албанском, иврите и других языках. С 1991 года О. Седакова — лектор и научный сотрудник философского факультета МГУ, преподает в различных университетах мира. Она удостоена множества престижных наград и званий, среди которых Парижская премия русскому поэту (1991), Европейская премия поэзии (Рим, 1995), литературная премия «Христианские корни Европы» имени Владимира Соловьева (Ватикан, 1998), литературная премия Александра Солженицына (Москва, 2003); Кавалер Ордена искусств и словесности Французской Республики (2005) и многие другие.

В первый раз в Воронеже Ольга Седакова побывала в самом начале января прошлого года. В большом зале Дома актера состоялись две встречи с ее участием, собравшие, несмотря на посленовогодние празднования, огромное число слушателей. Это были творческий вечер поэта и вечер памяти Осипа Мандельштама, посвященный 70-летию его трагической гибели. Инициатором приезда О. Седаковой было воронежское малое православное Братство во имя святителя Тихона Задонского.

В этом году в организации юбилейного вечера поэта и ученого приняла участие кафедра русской литературы Воронежского государственного университета. Юбилейный вечер О. Седаковой состоялся 9 февраля в актовом зале главного корпуса ВГУ и прошел с большим взаимным вниманием и вдохновением — поэта и слушателей. Но прежде чем обратиться к его содержанию, невозможно не сказать несколько слов о других событиях, связанных с пребыванием Ольги Седаковой в Воронеже.

В прошлом году ведущим мотивом, побудившим О. Седакову приехать в Воронеж, стала живая память и любовь к величайшему поэту XX века, которому она посвятила целый ряд философских эссе и филологических работ и само имя и творчество которого оказалось навсегда неотделимым от воронежского исторического и культурного пространства. В нынешнем году одной из основных причин, заставивших Седакову откликнуться на приглашение вновь приехать в Воронеж, было проведение Братством во имя свт. Тихона Задонского вечера памяти новомучеников и исповедников Российских, который состоялся 8 февраля в большом зале ДК железнодорожников.

Ясно выраженное христианское мировоззрение, подлинная причастность к церковной жизни, к ее вопросам и проблемам были одной из причин отсутствия публикаций О. Седаковой на родине в советский период. И на вечере 8 февраля Ольга Седакова вспомнила, в частности, последнюю проповедь известного московского пастыря архимандрита Сергия Савельева, отбывавшего срок в сталинских конлагерях и выжившего чудом. Весь смысл его проповеди, по словам поэта, заключался в словах: «Я хотел бы принести покаяние — покаяние за церковь... Говорят, что это большевики все устроили, коммунисты, еще кто-то... Так могут говорить только неверующие люди, мы так говорить не можем. Если бы церковь была жива, ничего этого бы не случи-

лось». Особенно Ольге Седаковой врезалось в память заключительное обращение к слушающим: «Запомните это, я хочу вам сказать, мне уже нечего бояться: Бог тряс нас, как пьяных, перед революцией, но мы не проснулись, мы не отрезвили». Одним из поразивших поэта открытий при чтении сохранившейся лагерной переписки церковных иерархов было то, что они себя не чувствовали страдальцами, героями, жертвами, в их словах не звучало нот злобы или ожесточенности, утверждения своей правоты. Главной была мысль об их ответственности за народ, который они воспитывали столетиями.

Комментируя название вечера памяти «Убитые по нашему согласью», Ольга Седакова сказала: «Если говорить о названии нашего вечера, взятого из моего "Реквиема", то оно можетозвучать неоправданно резко. Никто согласия такого не спрашивал, конечно: убивать или не убивать? Но так говорит совесть... Никакого согласия на убийство средний человек в реальном историческом времени не давал, а то, на что он давал согласие, — так это, боюсь, на забвение... Не только исповедников веры, а множество других людей, допустим, исповедни-

ков искусства, которые не отказывались от того, что они думали, и считали свободным творчеством... хотели убить не просто физически, а как бы убить совсем, как будто их не было, как будто о них не помнят... И на это требовалось согласие. И все последующие годы, которые не были такими страшными (говоря словами Ахматовой, были "относительно вегетарианскими"), никого не убивали миллионами и сотнями, но убивали умственно... И результатом всего этого — этой небольшой уступки — стала лояльность гражданина 70-х, 80-х, которая была в том, чтобы не вспоминать... Теперь говорят — не будем осуждать наше прошлое, потому что это значит бросать камень в наших отцов. Но кто тогда наши отцы?.. Самая глубокая, самая осмысленная память о других меняет представление народа, меняет представление о нашем собственном происхождении: от кого мы происходим — только ли от тех, кто уничтожал, был энтузиастом этого уничтожения... или — от этих всех, кого заставили забыть?».

Творческая встреча в университете началась с краткого приветственного слова заведующего кафедрой русской литературы

Ольга Седакова. Актовый зал ВГУ. 9 февраля 2010 года

А. А. Фустова, который отметил, что юбилейный вечер в Воронеже продолжает целую серию юбилейных вечеров, состоявшихся за январские дни в Москве. Он поблагодарил Ольгу Александровну за то, что Воронеж и его жители смогли быть причастными к этому празднику поэзии. На вечере звучали стихи в исполнении автора из новой, вышедшей в 2009 году в Санкт-Петербурге книги «Все, и сразу». Несмотря на всю сложность столь редкого для всех нас жанра поэтического вечера и прекрасную сложность стихов поэта, зал был полон удивительного внимания ко

всему происходившему — к чтению стихов и звучанию музыки (прозвучали записи нескольких песен на стихи О. Седаковой выдающихся современных композиторов Валентина Сильвестрова и Александра Вустина), к ответам поэта на последовавшие вслед за чтением многочисленные вопросы. Вот несколько фрагментов из этого удивительного диалога со слушателями, не только позволившего приблизиться к пониманию творчества и личности поэта, но и ставшего для сидящих в зале уроком преображающего усилия мысли и духа.

Вопрос: Какое значение в Вашей жизни имеет музыка? Неслучайно так называется одна из Ваших книг.

О. С.: Надо сказать, что книга называется не просто «Музыка», а «Музыка, стихи и проза». Если стихи и проза составляют два подотдела, то музыка — это то, что лежит за пределами книги. Музыка для меня значит очень много. В каком отношении? Прежде всего, я с самого детства догадалась о том, что музыкальные построения в каком-то смысле обгоняют стихотворные, литературные, словесные...

Великий французский средневековый поэт Машо был и композитором, и стихотворцем, и теоретиком новой музыки и новой поэзии. Но слово «музыка» тогда не значило то, что означает у нас, т. е. то, что исполняется инструментами или голосом. То, что исполнялось инструментами или голосом, называлось сонорная музыка, или звуковая музыка. Она занимала самую низкую ступень в общей теории музыки, как ее описывает Машо. Потому что сверху была божественная музыка, потом — космическая музыка, потом человеческая музыка, а потом уже — сонорная или звуковая музыка. Все они между собой связаны, но вплоть до человеческой музыки — это музыка, можно сказать, неслышная: у нее нет звука, она не в звуке работает. Музыка *humana* — это стихи, это мысли, это богословие... это искусство построения какого-то прекрасного смысла... Для того чтобы писать музыку *humana* или музыку сонорную, нужно слышать строй небес, космическую музыку прежде всего и — уже в некоторых случаях — божественную музыку.

С чего начинается «Моцарт и Сальери» Пушкина? Со слов Сальери:

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.*

Вот здесь любой средневековый или античный музыкант сказал бы: значит, он не знает гаммы. Если нет правды, то и гаммы не существует, потому что и то, и другое отражает один закон. Так это в более цельные — в средневековые и в другие — времена и понималось: если нет Красоты, то автор не верит и в Истину. Если автор не верит в истину — какая же гамма?.. И конечно, за музыкой мысли, звуковой музыкой, за музыкой стиха мне бы хотелось уловить эту уже незвуковую стройность.

Вопрос: Кто были ваши учителя?

О. С.: Самое большое счастье моей жизни в том, что у меня были прекраснейшие учителя со школьных лет, и в любой области, которой мне хотелось бы заниматься... В университете в то время, когда я училась, был просто золотой век, потому что одновременно можно было слышать самых великих гуманитарных ученых. Не все они были штатными преподавателями университета, наоборот, часто в университет их не брали в те времена. Сергею Сергеевичу Аверинцеву никогда не давали читать настоящие

учебные курсы. Это были курсы дополнительные. Аверинцев читал у нас «Византийскую поэтику» сначала, на которую сбегалась вся Москва. Курс назывался «поэтика», хотя на самом деле речь шла о византийском богословии... В это же время читал свои курсы, на которые тоже сходилась вся Москва, и философ Мераб Мамардашвили. Это были курсы по феноменологии и по философии ХХ века... Читал недавно скончавшийся Александр Пятигорский лекции по буддизму. На филфаке читали такие выдающиеся ученые, как лингвист Михаил Викторович Панов — гениальный фонетист... У него я занималась в семинарии и написала одну из первых своих работ — про звук «л» у Хлебникова... Потом — Никита Ильич Толстой, несравненный правнук Льва Николаевича, родившийся за границей и позже приехавший сюда. Он у нас вел славянские древности, церковнославянский язык, сравнительное церковно-славянское языкознание. А на соседнем факультете... читали замечательные лекции по истории иконописи. Одним словом, жизнь была наполнена невероятно. Уже через два года всего этого не станет. Аверинцевские лекции запретили, Мамардашвили выгнали, Пятигорского выгнали, но Никита Ильич продолжал работать...

Вся эта эпоха напоминала мне итальянский Ренессанс, и центр его был, может быть, в Тарту, где Юрий Михайлович Лотман создал свою тартускую структурную школу, а ее «руки и ноги» доходили до Москвы, до Петербурга, до всей страны, и это было необычайное время оживленной гуманитарной мысли... Хотя многие об этом даже не знали, потому что такие работы не публиковались, а если публиковались, то где-нибудь в Эстонии, в Тарту, в специальных сборниках, которые трудно было достать, но это было действительно своего рода возрождение, русский ренессанс очередной, которого с тех пор уже не было. Я думаю, что художественное творчество того времени было не на таком уровне... читать современную поэзию вроде Евтушенко совсем было неинтересно... В церковной жизни у меня был великолепный духовный учитель — отец Дмитрий Акинфеев; он был моим духовным учителем более тридцати лет... Да и в путешествиях по Западу, по Европе и Америке, которые начались для меня с 1990-х годов, я встречала таких людей (особенно духовных людей), как епископ Кит, Дональд Ничел, французский философ Федье (ему посвящен мой «Ангел Реймса»), у которых можно учиться.

Вопрос: Что в облике современного российского человека вас особенно огорчает, что надо стремиться возродить в первую очередь?

О. С.: Я об этом много думала и много писала. Я думаю, что прошедший ХХ век оставил на людях неизгладимую печать. И для меня это выражается в первую очередь в том, что очень ослаблено внимание. Я могу сравнивать, мне приходится читать лекции или встречаться с читателями в Европе. Я не могу сказать, что наши люди не понимают чего-то такого, что понимают те. Но здесь такое впечатление, что слушать — слушают, а что из этого остается — узнать невозможно. Внимание — это экзамен. Не приучили человека к тому, чтобы он мог себе самому дать отчет, что он понял или что он по этому поводу думает. Эта черта выражается и в том, что люди с легкостью отмахиваются от незнакомого им: «А, вот это слишком сложно... Это — заумь...». Возникла привычка, которая позволяет презирать вещи, которые требуют усилий, внимания, концентрации... Так воспитывали, что все должно быть понятно с первого раза, а что непонятно — это не наше. Разрушены очень многие социальные свойства человека, и... они не могли быть не разрушены: доверие, привычка к сотрудничеству, которая в цивилизованной жизни бывает на каждом шагу, когда люди чувствуют, что они каждый момент живут вместе...

